

# РОЛИ, КОТОРЫЕ Я ЛЮБЛЮ

Рассказывает солист Башкирского

государственного театра оперы и балета Виль Канич

Три года поет на сцене нашего театра молодой солист Виль Канич, исполняющий партии Хозе, Германа, Радамеса, Фауста, Самозванца. Недавно он с успехом выступил в опере Р. Леонковалло «Паяцы», покорила зал мощным красивым голосом и выразительной игрой. Зрителей интересуют творческий путь певца, его планы. Они просят рассказать об этом в газете. Наш корреспондент встретился с артистом и задал ему несколько вопросов.

— Расскажите пожалуйста, Виль, как вы стали певцом?

— Пел я с детства. Вообще в станице на Дону, где я родился, много пели. Отец даже одно время выступал в хоре «Ансамбля донских казаков». У одного из его братьев была коллекция пластинок, и я уже в первых классах школы пел оперные арии, но в основном, конечно, песни. После войны годы были тяжелыми, я оставил школу и ушел работать на шахту. Увлекался занятиями в кружке художественной самодеятельности. Затем поступил в Воронежское музыкальное училище. Здесь занимаясь у очень одаренного педагога В. Р. Коваленко. Главное, чего он от нас требовал — развития всего диапазона голоса. Он научил меня «закрывать» верхние ноты, что потом так пригодились при исполнении сложных оперных партий.

— Да, но после Воронежского музыкального училища вы ведь закончили Ленинградскую консерваторию. Что дали вам занятия в этом прославленном «храме музыки»?

— Консерватория дала мне очень многое, но профессор Е. Г. Ольховский, у которого я занимался, полностью согласился со школой Коваленко и не пытался заставить меня петь иначе. Естественно, здесь у меня расширился кругозор, я овладел большим репертуаром. И, кроме всего прочего, пристрастился к науке. Даже чуть-чуть не подго-

товил кандидатскую диссертацию.

— Интересно, какой темой вы занимались?

— Я исследовал творческий путь Ивана Ершова, тоже донского казака. Он интересовал меня как один из самых выдающихся русских драматических теноров. Я посетил многие архивы и собрал данные, которые до этого не были известны. Иван Ершов, бесспорно, был феноменальным тенором, и его выступления иногда превращались в своего рода артистические подвиги. Ведь после него у нас почти не поют знаменитую арию «Братцы в метель» из «Ивана Сусанина», где певцу приходится четырежды брать верхнее до.

— Где состоялся ваш дебют на профессиональной оперной сцене?

— В Свердловском оперном театре. Я дебютировал тремя партиями итальянского репертуара — Дюфреном в «Заза» Леонковалло, Радамесом в «Аиде» и Энцо в «Джюоконде» Понкиелли. Потом мне пришлось пробовать силы уже в русском репертуаре — пел Андрея Хованского («Хованщина» Мусоргского) и Германа в «Пиковой даме».

— А в советском оперном репертуаре вам не приходилось выступать?

— Это было несколько позже, во Фрунзе. Там ставили «Оптимистическую трагедию» Холминова, и я был занят в главной роли. Спектакль ставил В. Рутгер, который потом осуществил постановку этой оперы и в Уфе. Работать в современном репертуаре очень интересно. Жаль, что наши композиторы нечасто пишут партии, которые интересны для драматического тенора.

— Но вы ведь, Виль, поете не только драматические партии, а и лирические — Фауста, Герцога. Не мешает ли это работе над драматическим репертуаром?

— Нисколько. Для драматического тенора, если позволяет голос, выступить в лирической партии неопасно. И вообще считано, что разделение партий на драматические и лирические до некоторой степени всегда условно.

— О каких партиях вы мечтаете?

— Собственно говоря, работая в театре, не приходится думать о ролях из опер, которых нет в репертуаре. Сейчас я подготовил партию Манрико из «Трубадура». Буду петь обе арии в той тональности, в которой их написал Верди. Если будет поставлена «Богема», с большой радостью спою Рудольфа. Я очень люблю Пуччини.

— Ну а если бы, скажем, театр поставил те оперы, которые вам хотелось бы, то тогда что бы вы пели?

— Хочется спеть Вагнера, те роли, в которых выступал Иван Ершов. И еще — Отелло. Жаль, что этот спектакль выпал из репертуара нашего театра.

— А в концертном репертуаре какие произведения для вас самые любимые?

— На этот вопрос ответить совсем сложно. Я много пел романсов Глинки, Чайковского, Рахманинова, Шостаковича, Свиридова... И все это мне очень дорого.

— Зрители очень тепло отзываются о вашей новой работе — партии Канио. Удовлетворены ли вы своим выступлением в «Паяцах»?

— Я потратил много труда для того, чтобы слить воедино мелодию и слово, осмысленное спенической ситуацией. Судя по реакции уфимского зрителя, который, как я убедился, может быть и весьма сдержанным, и экспансивным, мне это удалось.

Вообще мне полюбили наш театр и зритель, и я надеюсь, что смогу спеть еще немало премьер.